

Концепция глобализации К. Маркса: попытка теоретической реконструкции

Аннотация

Теории глобализации претендуют на объяснение всех важнейших изменений, происходящих в современном мире. Однако сам по себе концепт глобализации не имеет никакого другого содержания, кроме указания на всемирность пространственного масштаба или охвата. Отсюда возникло множество соперничающих интерпретаций нового “глобального общества”, в результате чего идея глобализации так и осталась неопределенной, не выйдя за рамки общих представлений о “глобальной взаимозависимости” или “глобальной взаимосвязанности”. С другой стороны, едва ли в каком-либо другом направлении научной и общественной мысли идея существования и развития глобальной органической целостности, связывающей человечество в единую мировую общественную, капиталистическую по своему характеру систему, была столь теоретически основательно разработана, как в марксизме. Поэтому важное значение для определения содержания концепта глобализации и его превращения в понятие общественных наук имеет анализ взглядов основателей марксизма как направления, являющегося фундаментом современной социальной науки, на всемирную историю. Марксова концепция глобализации основана на социально-философских идеях материалистического понимания истории и материалистической теории всемирно-исторического процесса. Материалистическое понимание истории, рассматривая в качестве ее основы материальное производство и практическую преобразующую деятельность людей, раскрывает объективные законы развития человеческого общества, источники и движущие силы становления истории всемирной. Марксова теория всемирно-исторического процесса объясняет закономерности смены типов и масштабов межобщественных взаимодействий — от локальных до региональных и всемирных. Глобализация определяется как интеграция производительных сил человечества во

всемирном масштабе, что является материальной основой его всемирного единства, единства его всемирной истории и общественного развития. Впервые такое объединение осуществляется в результате глобальной экспансии капитализма.

Ключевые слова: Маркс, материалистическое понимание истории, теория всемирно-исторического процесса, социальная теория, глобализация

АНДРІЙ МАЛЮК,

кандидат соціологічних наук, старший науковий співробітник відділу історії та теорії соціології Інституту соціології НАН України, Київ

Концепція ґлобалізації К. Маркса: спроба теоретичної реконструкції

Анотація

Теорії глобалізації претендують на пояснення всіх найважливіших змін, що відбуваються в сучасному світі. Однак сам концепт глобалізації не має жодного іншого змісту, крім указування на всесвітність просторового масштабу або охоплення. Звідси виникло багато конкуруючих інтерпретацій нового “глобального суспільства”, внаслідок чого ідея глобалізації так і залишилася невизначеною, не вийшовши за межі загальних уявлень про “глобальну взаємозалежність” або “глобальну взаємопов’язаність”. З іншого боку, навряд чи в будь-якому іншому напрямі наукової та суспільної думки ідея існування та розвитку глобальної органічної цілісності, що зв’язує людство в єдину світову суспільну, капіталістичну за своїм характером систему, була настільки теоретично ґрунтовно розроблена, як у марксизмі. Тому важливе значення для з’ясування змісту концепту глобалізації та перетворення його на поняття суспільних наук має аналіз поглядів основоположників марксизму як на пряму, що є фундаментом сучасної соціальної науки, на всесвітню історію. Марксова концепція глобалізації ґрунтована на соціально-філософських ідеях матеріалістичного розуміння історії та матеріалістичної теорії всесвітньо-історичного процесу. Матеріалістичне розуміння історії, розглядаючи матеріальне виробництво і практичну перетворювальну діяльність людей як основу історії, розкриває об’єктивні закони розвитку людського суспільства, джерела та рушійні сили становлення історії всесвітньою. Марксова теорія всесвітньо-істо-

ричного процесу пояснює закономірності зміни типів і масштабів міжсуспільних взаємодій — від локальних до регіональних і всесвітніх. Глобалізація визначається як інтеграція виробничих сил людства у всесвітньому масштабі, що є матеріальною основою його всесвітньої єдності, єдності його всесвітньої історії та суспільного розвитку. Вперше таке об'єднання здійснюється в результаті глобальної експансії капіталізму.

Ключові слова: Маркс, матеріалістичне розуміння історії, теорія всесвітньо-історичного процесу, соціальна теорія, глобалізація

ANDRII MALIUK,

Candidate of Sciences in Sociology, Senior Research Fellow at the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

K. Marx's Concept of Globalisation: An Attempt Towards a Theoretical Reconstruction

Abstract

Theories of globalisation claim to be able to explain all the major changes occurring in today's world. However, the concept of globalisation itself does not point to anything except the global scale or scope. Hence, there are a host of competing interpretations of the new "global society", due to which the idea of globalisation has remained vague and failed to go beyond the general concepts of "global interdependence" or "global interconnectedness". On the other hand, it is doubtful that in any other strand of scientific and social thought except for Marxism the idea of existence and development of global organic unity, connecting humanity into a unified global social system capitalist by its nature, has been so thoroughly elaborated from a theoretical perspective. Therefore, it is important to analyse the views of the founders of Marxism (as a basis for the modern social science) on the history of the world — since this analysis may help clarify the essence of the globalisation concept and transform it into a concept for social sciences. Marx's vision of what is now termed "globalisation" is based on the socio-philosophical ideas of the materialist conception of history, as well as on the materialist theory of a global historical process. The materialist conception of history regards material production and people's transforming activity as the basis of history, thereby shedding light on the objective laws of the development of human society, along with the sources and driving forces behind the history of the world. The Marxian theory of a global historical process explains the pattern of changes in the type and spatial scale of inter-societal interaction, ranging from local to regional and

global. Globalisation is defined as the integration of productive forces of humanity on a global scale, which constitutes the material basis for its worldwide unity, the unity of its history and societal development. Such consolidation becomes possible only after (and due to) the global expansion of capitalism.

Keywords: *Marx, materialist conception of history, theory of a global historical process, social theory, globalisation*

С конца 1980-х годов социальными науками овладела идея, согласно которой современный мир переживает одну из наиболее масштабных исторических трансформаций, чья суть резюмируется концептом глобализации. Последний включил в себя значение радикальных преобразований пространственно-временных условий человеческого существования, перехода от мира национальных обществ к постинтернациональному глобальному миру, транснациональной интеграции мира в единое глобальное социальное пространство. В этом пространстве преобладают модели детерриториализированных социальных отношений, возникшие в результате информационно-коммуникационной революции. Одним из следствий утверждения этой идеи стала другая, касающаяся растущей неадекватности социальной науки и теории, созданных в условиях старого “территориалистского” мира, реалиям нового глобального общества, что означает необходимость создания новой социальной науки и новой социальной теории, на роль которой претендовала сама теория глобализации. Концепт глобализации нацелен на объяснение всех важнейших изменений, происходящих в современном мире. Однако сам по себе он не имеет никакого другого содержания кроме указания на всемирность пространственного масштаба или охвата. Единственная характеристика глобализации, извлеченная из нее самой, заключается в том, что речь идет о процессе пространственного расширения какого-либо явления до масштаба всемирного, охватывающего весь мир. Быть глобальным означает обладать всемирным масштабом, охватывать весь мир. Никаких других определений обществу, именуемому глобальным, концепт глобализации не дает. Отсюда возникло множество соперничающих интерпретаций нового “глобального общества” (“второй модерн”, “постмодерн”, “общество риска”, “информационное общество”, “постиндустриальное общество”, “турбокапитализм”, единый транснациональный или глобальный капитализм в противоположность миру множества национальных капитализмов и т.д.), как и аргументаций его отсутствия. Идея глобализации так и осталась неопределенной, не выйдя за рамки общих представлений о “глобальной взаимозависимости” или “глобальной взаимосвязанности”.

Но поскольку мало кто сомневается, что современный мир представляет собой целостность, глобальный взаимозависимый мир, проблема его понимания, определения его качества, выяснения сущности, объективных законов, которым подчиняются его существование и развитие, по-прежнему остается актуальной. И столь же актуален поиск теоретических средств решения этой проблемы. Одним из наиболее сомнительных утверждений, сопровождавших возникновение концепта глобализации, является тезис о необходимости замены классической социальной теории, будто бы неизлечимо больной методологическим национализмом, новой космополитической

критической социальной теорией (У.Бек), в которой проблема пространственного единства мира выйдет на первый план. Эта наука отвергнет национальное государство как заданные рамки исследования и примет глобальность как онтологически и эпистемологически исходный пункт [Бек, 2007: с. 42–63]. Упреки в адрес классической социальной науки за ее государственноцентризм и методологический национализм отчасти справедливы. Однако абсолютизация критики сама порождает неверные представления о том, чем является классическая социальная теория, каковы ее сохраняющиеся познавательные возможности и методологический потенциал.

В отношении современной социальной науки следует помнить, что одним из ее краеугольных камней является марксизм, учение, для которого проблема формирования единого глобального пространства отнюдь не является маргинальной. Но, в отличие от концепции глобализации, в марксизме пространственные характеристики социальной целостности, включая ее масштаб, обуславливаются самой этой целостностью, характером определяющих ее общественных отношений. Когда Маркс исследовал пространственную динамику капиталистического способа производства, говоря о “мировом рынке”, “универсализирующих тенденциях капитала”, “уничтожении пространства посредством времени”, расширении капиталистической сферы товарного обращения, то сама эта динамика вытекала из законов движения капитализма. То есть решение проблемы ставилось на объективную основу законов развития капиталистического общества. Поэтому едва ли в каком-либо другом направлении научной и общественной мысли идея существования и развития глобальной органической целостности, связывающей человечество в единую мировую общественную, капиталистическую по своему характеру систему, была столь теоретически основательно разработана как в марксизме. Это верно настолько, что известный современный философ-марксист Иштван Месарош заметил: “Иронию вызывает недавнее открытие: мы живем в мире “глобализации”. Уже для Маркса это было самоочевидно... Концептуальная основа для понимания смысла системы капитала может быть только глобальной... Капитал сам никак не ограничен. Вы не найдёте противодействующую силу, которая могла ограничить его без радикального преодоления системы капитала как таковой. Капитал должен следовать своему курсу и логике развития: он должен был охватить всю планету. Маркс это подразумевал” [Месарош, 2001: с. 118]. Аналогичное мнение высказывает китайский философ Цзюань Кан. Поскольку глобализация касается прежде всего глобального и унитарного функционирования капитала и является неизбежной тенденцией его производства и образования, понятие глобализацию означает понятие капитал. В этом смысле Маркс и Энгельс дали научное предсказание исторической тенденции глобализации и заложили научно-теоретические основы ее понимания [Quyang, 2006: р. 644–645]. Один из идеологов неолиберального глобализма, защите которого он посвятил немало сил, Жак Аттали прямо приписывает К.Марксу не только формулирование идеи глобализации, но и использование самого термина. Он называет Маркса пророком глобализации и далее приводит цитату из известного письма Маркса Энгельсу (от 8 октября 1858 года), давая ей произвольную субъективистскую трактовку:

“Буржуазия переживает новый Ренессанс. Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой ры-

нок глобализация свершилась. Значит, революция неизбежна; она сразу примет социалистический характер. Единственная проблема, и мне интересно твое мнение, что ты об этом думаешь — как сможет революция выстоять в таком маленьком уголке мира, как Европа?” [Аттали, 2005: с. 192]. Аттали полагает, что в этом письме Маркс демонстрирует неверие в скорый закат капитализма и предчувствует “наступление длительного периода глобализации, которая, конечно, несет в себе революцию, но слишком уж слабую, чтобы выстоять перед всем остальным миром, если она ограничится рамками одной страны” [Аттали, 2005: с. 192]. На самом деле указанное письмо — пример революционной убежденности в неизбежной и не слишком отдаленной гибели капитализма. В нем не высказывается никакого смутного ощущения наступления “глобализации”, поскольку для Маркса и Энгельса образование “мирового рынка” (термин, который фактически выступал у них синонимом мировой экономики и “всемирной истории”, то есть универсальных прямых, непосредственных глобальных пространственных взаимосвязей между народами, странами и регионами планеты, особенно в свете мирового экономического кризиса 1857–1858 годов) было установленным эмпирическим фактом, которому они старались дать теоретическое объяснение. В данном письме ничего не говорится о возможности или невозможности революции в одной стране, такая его интерпретация явно притянута за уши. Наоборот, здесь говорится о возможности победы социалистической революции в Европе в условиях продолжающегося восходящего развития капитализма в остальном мире, и в целом в этот период Маркс и Энгельс считали, что пролетарская революция охватит более или менее одновременно сразу несколько передовых капиталистических стран. Наконец, в письме нет термина “глобализация”. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на настоящий текст самого письма:

“Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, такой шестнадцатый век, который, я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продельвает еще восходящее движение?” [Маркс, 1962а: с. 295]. В общем Маркс и Энгельс не были пророками глобализации. Они были исследователями, теоретиками и революционными критиками глобального капитализма (хотя и не в том смысле как его понимает современная школа глобального капитализма). Более близкой к истине, чем мнение Аттали, является точка зрения Ф.Джеймисона: “Маркс (скорее Маркс “Экономических рукописей 1857–1859 годов”, чем Маркс ликующих пассажиров “Капитала”) неустанно подчеркивал значение мирового рынка в качестве последнего горизонта капитализма и замечал не только то, что социалистическая революция должна произойти в странах с высоким уровнем производства и наиболее развитой экономикой,

а не в странах с зачаточной модернизацией, но и то, что она должна быть мировой” [Джеймисон, 2005: с. 210].

Тем не менее в определенном смысле Ж.Аттали прав: работы Маркса и Энгельса заложили теоретико-методологический фундамент исследования проблематики, охватываемой концептом глобализации. Это особенно важно, учитывая, что последний и в настоящее время, после стольких усилий придать ему научную значимость, статус научного понятия и едва ли не ключевой категории социальных наук, по-прежнему остается не более чем совокупностью описательно-оценочных высказываний, своего рода рубрикой, под которой объединяются ряд процессов современного мира, имеющих общий пространственный знаменатель. В целом данный концепт остается набором общих и довольно противоречивых представлений о так называемых глобальных процессах. Глобализацией пытаются объяснить все, не объясняя по сути ничего и забывая, что она сама нуждается в объяснении.

П.Бурдьё характеризовал дискурс глобализации, в котором она представляется неизбежным и фатальным результатом действия экономических законов, как мифологический. Этот дискурс призван маскировать политическую реальность, то обстоятельство, что глобализация представляет собой сознательную и просчитанную политику, основанную на неолиберальной философии, выражающей интересы сил неоконсервативной реакции, капиталистических сил, стремящихся воплотить в жизнь ультраправую утопию безграничной эксплуатации, нацеленную на методичное разрушение коллективизма [Bourdieu, 1998: р. 34, 95]. Именно эта выявленная Бурдьё идеологическая функция сокрытия реальности, выполняемая концептом глобализации и находящаяся в резком контрасте с ней, и является причиной того, что, как признают авторы одного из наиболее значительных трудов по глобализации: “Несмотря на обширную и все растущую литературу, не существует — что весьма удивительно — ни убедительной теории глобализации, ни даже систематического анализа ее главных особенностей” [Хелд, МакГрю, 2004: с. 1]. И хотя с того времени появился ряд новых работ, посвященных главным образом анализу подходов к пониманию глобализации [Axford, 2013; Martell, 2016], ситуация в принципе не изменилась. Такие концепты, как глобализация, деглобализация, глокализация и т.д., продолжают оставаться в центре дискуссий, связанных с современными глобальными проблемами, включая и нынешний глобальный общественный кризис. Как и прежде, эти концепты представляют собой в основном эклектическую мешанину мнений, метафор и образов, в значительной степени относясь к допонятийному уровню и не содержат указаний на какие-либо связанные с ними объективные закономерности. Все это мало что говорит об объективном научном анализе реальности и остается теоретической пустышкой. Вопросы же типа “вызывает ли глобализация рост социального неравенства, этнические конфликты и т.д.” вообще бесполезны до прояснения смысла, значения, содержания, логической структуры, выяснения уровня обобщения и пределов применимости понятия глобализации. Исходя из этого, важное значение для определения содержания концепта глобализации и его превращения в научное понятие общественных наук, если в таком вообще есть потребность, имеет анализ взглядов основателей марксизма как направления, являющегося фундаментом современной социальной

науки, на проблематику, сокращенным выражением которой с конца 1980-х годов стало модное словечко “глобализация”.

1. Философские основания Марксовой концепции глобализации

Взгляды основателей марксизма на то, что впоследствии стало обозначаться довольно смутным термином “глобализация”, охватывающим “все те процессы, посредством которых народы мира инкорпорируются в одно мировое общество, глобальное общество” [Albrow, King, 1990: p. 8], вытекают из их философского мировоззрения. Давно и хорошо известно, что философией марксизма является материализм, то есть монистское мировоззрение, которое исходит из признания не только существования объективного мира за пределами сознания, но и первичности этого объективного мира (материи) по отношению к сознанию и стремится объяснить этот мир исходя из него самого, не прибегая к внешним по отношению к нему факторам. Сознание при этом рассматривается как продукт развития материи, свойство ее высокоорганизованных форм. Будучи примененным к обществу, принцип материализма принимает вид положения об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

Данный принцип является центральным положением материалистического понимания истории, в котором под общественным бытием понимается материальное общественное производство как необходимое условие существования людей, “материнское лоно истории” [Маркс, Энгельс, 1955: с. 166]. Материальное общественное производство представляет собой процесс присвоения общественными индивидами предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее [Маркс, 1968: с. 23]. Оно выступает основой всей общественной жизни, и, следовательно, конечные причины и истоки всех общественных явлений следует искать в материальном производстве. Поэтому “предмет исследования — это прежде всего материальное производство”, то есть “индивиды, производящие в обществе, — а следовательно, общественно-определенное производство индивидов”, ибо “когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов” [Маркс, 1968: с. 17, 21]. Общественно-определенное производство, то есть производство в его определенной общественной форме, представляет собой единство производительных сил и объективных, материальных, от воли людей не зависящих отношений, в которые люди вступают в процессе производства, — производственных отношений. Эти последние составляют общественную форму производства и выступают стержнем всей системы общественных отношений. Как единство оформленного содержания и держательной формы — производительных сил и производственных отношений — общественное производство представляет собой определенный способ производства, определяемый тем, в собственности какого класса находятся средства производства. Способ производства составляет основу, базис всех общественных отношений. Господствующие в ту или иную эпоху способы производства — как единство форм материально-производственной деятельности и возникающих на их почве социально-экономических отношений — являются не только типами общественного производства, но и стадиями его развития, определяющими также и стадии развития челове-

ческого общества вообще. Способ производства, взятый в единстве с политической, культурной и идеологической надстройкой, формами общественного сознания, образует общественно-экономическую формацию как эпоху развития человеческого общества. Поскольку производительные силы являются способами совместной деятельности, деятельными силами людей и выражают собой деятельный, активный и постоянно изменяющийся аспект способа производства, то именно развитие производительных сил, включая как средства производства, так и самих людей, является движущей силой изменений и смен общественных форм производства и соответственно способов, то есть общественных типов производства.

Возникновение материалистического понимания истории, раскрывающего определяющую роль материального общественного производства во всей жизни человеческого общества и рассматривающего материально-производительную деятельность общественного человека как основу и движущую силу исторического процесса общественного развития, заложило методологическую основу исследования общества. Оно позволило разработать систему взглядов на историю как на закономерное естественно-историческое движение, детерминируемое материальными основаниями жизнедеятельности общества — действительными индивидами, их деятельностью и материальными условиями, в которых она осуществляется, как теми, которые они находят уже готовыми, так и теми, которые созданы общественно-исторической практикой. В материалистической теории исторического процесса история понимается как объективно детерминированная деятельность людей, преследующих свои цели, и на этой основе раскрываются ее источники, движущие силы, закономерности и тенденции развития. Поскольку вся общественная жизнь является по существу практической, а практическая деятельность людей представляет собой производство и воспроизводство их непосредственной жизни, диалектика производительных сил и производственных отношений, в процессе развертывания которой происходит смена способов производства, составляющих общественное бытие человека, выступает теоретическим основанием и методологическим принципом научного понимания развития общества, включая и такой его аспект, как глобализация. Разработка теоретико-методологических принципов материалистического понимания истории позволила приступить к исследованию мировой истории, в ходе которого происходило создание теории всемирно-исторического процесса, позволившей раскрыть генезис, объективные основания и условия возникновения всемирной истории, включая ее закономерности и движущие силы.

2. Место глобализации в потоке истории человечества

Хотя Маркс и Энгельс не использовали понятия глобализации, его эквивалентом в их работах выступали понятия всемирности, всемирной истории и всемирного характера исторического процесса, а также всемирных экономических связей в форме мирового рынка. Можно сказать, что Марксова теория всемирно-исторического процесса содержит в себе концепцию глобализации, поскольку Маркс отмечает расширение, по мере исторического развития, человеческого общения до масштабов мирового, что составляет основу всемирной истории. В этой теории понятие всемирности ото-

бражает необходимую пространственную взаимосвязь и взаимодействие и общение обществ, народов, государств, стран, на которые внутри себя дифференцировалось человечество в ходе своей истории. В контексте Марксова учения это связано с уничтожением “первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря более усовершенствованному способу производства”, с развитием общения между ними и со стихийно возникшим в силу этого разделением труда между различными нациями. По мере установления всесторонних взаимосвязей и всесторонней зависимости народов и стран друг от друга как стихийно сложившейся формы всемирно-исторической совместной деятельности индивидов история во все большей степени становится всемирной историей. Вследствие этого люди различных наций “вступают в практическую связь с производством... всего мира и оказываются в состоянии приобрести себе способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)” [Маркс, Энгельс, 1988: с. 34–35].

Во времена Маркса всемирность истории, то есть наличие всеобщей универсальной прямой связи между народами, населяющими различные континенты планеты, уже была установленным эмпирическим фактом, отображенным в исследованиях политэкономов. Попытки теоретического осмысления этой связи предпринимались в философии истории и возникающей социологии. Поскольку подходы ко всемирной истории развивались на почве идеализма, они не могли дать истинного ее понимания. Первым действительно научным пониманием, раскрывшим источники и движущие силы формирования всемирной истории, стало материалистическое понимание истории, усматривающее их в развитии материально-производственной деятельности и обмена ею, то есть производительных сил общества. Процессы, посредством которых взаимосвязь и взаимодействие между населявшими планету социальными общностями развились во всемирное универсальное общение, и означали превращение истории во всемирную историю.

Всемирная история, по Марксу, существовала не всегда; история как всемирная история — результат [Маркс, 1968: с. 47]. Строго говоря, она выступает результатом всего этапа, который Маркс считал предысторией человечества и за которым начинается его подлинная история. Чтобы понять это, стоит рассмотреть Марксову периодизацию истории, основанную на развертывании диалектики производительных сил и производственных отношений, определяющей логику истории и выступающей фундаментом теории общественно-экономических формаций, эту логику раскрывающей.

Марксова концепция структуры исторического процесса, прошедшая определенную эволюцию, сложна в том смысле, что включает в себя несколько уровней периодизации, которые, тем не менее, благодаря единству руководящей идеи синтезируются в единую систему. Ведущей для данной системы понятий является идея становления подлинной общественной сущности человека в процессе практического преобразования мира, в ходе которого (и это является содержанием “всей так называемой всемирной истории”) и происходит порождение человека человеческим трудом и, одновременно, становление природы для человека [Маркс, 1974: с. 126–127]. Ступени развития производительных сил, то есть деятельных, сущностных, хотя и отчужденных, сил человека и соответствующих им социально-экономических отношений являются ступенями его восхождения к развитию

своих универсальных способностей, овладению условиями своего собственного существования, присвоению и превращению их из чуждых и противостоящих человеку в условия свободного и всестороннего развития всех членов общества. Это совпадает с завершением формирования самого общества как способа и универсальной формы бытия человека, с созданием действительно общественных всесторонних связей. В этом смысле вся человеческая история делится Марксом на предысторию — процесс формирования и становления общественного производства и общества — и подлинную историю — развитие зрелого человеческого общества.

Здесь предыстория — это только процесс становления общества и человека как общественного существа, который завершается в коммунизме, представляющем собой “положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека” и в силу этого — “подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому ... полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому”. Поэтому коммунизм является подлинным разрешением загадки истории [Маркс, 1974: с. 116]. Разумеется, предысторией совершающееся до сих пор общественное развитие может быть названо только по отношению к коммунизму, то есть более высокой форме общества. Коммунистический тип исторического развития раскрывает основные тенденции, заложенные в предыстории, и ее историческую перспективу. Неверно, однако, представление, согласно которому коммунизм представляет собой некий конец истории или даже цель человеческого развития [Маркс, 1974: с. 127]. Маркс постоянно подчеркивает, что с наступлением коммунизма как нового типа развития завершается именно предыстория человеческого общества, а подлинная его история только начинается.

Данное членение всемирно-исторического процесса является наиболее общей его периодизацией, встречающейся у Маркса. В рамках этой периодизации Маркс осуществляет более конкретное структурирование исторического процесса. Так, в “Критике Готской программы” он формулирует концепцию низшей и высшей фаз развития коммунистического общества и конкретизирует периодизацию исторического процесса относительно будущего общества [Маркс, 1961: с. 17–22]. Более богатое новыми определениями теоретическое развитие, естественно, происходило в сфере, касающейся главным образом предыстории. Нужно отметить, что применительно ко всем уровням периодизации исторического процесса на этапе предыстории Маркс использует термин “формация”, приходящий на смену термину “форма общества”, но в разных контекстах он означает таксономические единицы различного уровня.

Так, характеризуя этап предыстории в целом, Маркс определяет его как “экономическую общественную формацию”, “прогрессивными эпохами” которой выступают “азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства”. При этом указанные эпохи сами являются “общественными формациями”. Как отмечает Маркс, “буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуаз-

ного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества” [Маркс, 1959: с. 7–8]. Позже, в набросках письма к В.И.Засулич, написанных в феврале — марте 1881 года, Маркс после ознакомления с работой Г.Л.Моргана “Древнее общество”, развивает новые представления о периодизации всемирно-исторического процесса [Маркс, 1961а: с. 400–410]. В рамках предыстории Маркс выделяет еще две общественные формации — первичную, или архаическую (данный термин заимствован у Моргана), и вторичную. Архаическая общественная формация тождественна эпохе первобытнообщинного строя, охватывающей период от завершения процесса антропо- и социогенеза до возникновения классового общества и характеризующейся господством общей собственности на средства производства. В отличие от нее, вторичная формация — это эпоха классовых обществ. Это общества, основанные на частной собственности и общественном разделении труда. Помимо общества, основанного на наемном труде, то есть буржуазного общества, вторичная формация охватывает “ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве”, то есть азиатский, античный и феодальный способы производства. Внутри этой вторичной формации из работ Маркса можно выявить еще одно различие. Он выделяет эпохи отношений личной и вещной зависимости [Маркс, 1968: с. 100–101]. В итоге происходит конкретизация той периодизации всемирной истории, которую Маркс в общих чертах охарактеризовал еще в “Экономическо-философских рукописях”, выделив период до появления отчуждения труда и частной собственности, период господства отчуждения труда и частной собственности и период после уничтожения отчуждения труда и частной собственности. Обогащение концепции исторического процесса новыми определениями его фаз позволило более четко и адекватно представить картину развития человеческого общества. Это дало возможность различить и выявить наиболее важные для понимания логики истории поворотные моменты, такие как переход от доклассового общества к классовому в рамках предыстории и переход от частнособственнических отношений личной зависимости к частнособственническим отношениям вещной зависимости внутри классового общества. Была также обоснована необходимость, закономерность перехода от классового общества к бесклассовому. Вычленение крупных исторических переходов позволило Марксу раскрыть принципиальное отличие всемирно-исторических эпох друг от друга. Так, например, было установлено отличие классовых обществ от доклассовых, отличие капиталистического общества как этапа всемирной истории от докапиталистических классовых обществ и эпохи докапиталистических отношений эксплуатации.

Отмечая одно из важнейших отличий капитализма от добуржуазных обществ, Маркс указывал, что производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает “универсальную систему труда, то есть прибавочный труд, труд, создающий стоимость”, а с другой стороны, оно “создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности”. Таким образом, только капитал “создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда создание капиталом такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь

как *локальное развитие* человечества” [Маркс, 1968: с. 386–387]. Соответственно этой своей тенденции капитал “преодолевают национальную ограниченность и национальные предрассудки..., традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни”. Капитал, подчеркивает Маркс, “разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими” [Маркс, 1968: с. 387]. Таким образом, капитал “должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, то есть обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка” [Маркс, 1969: с. 32].

Данные высказывания свидетельствуют о том, что важным элементом картины смены крупных исторических эпох в марксистской концепции всемирно-исторического процесса является изменение — по мере развития общественных производительных сил — наряду с типами (способами) производства также типов (способов) и масштабов общения, в рамках которых и посредством которых происходит развитие и развёртывание формационных отношений. Термин общение, широко используемый Марксом и Энгельсом в “Немецкой идеологии”, понимается ими как процесс взаимодействия людей между собой, в котором между ними в ходе взаимодействия с природой складываются определенные отношения общения. Отношения общения — это общественные отношения в самом широком смысле, то есть “все вообще общественные отношения” [Багатурия, 1968: с. 141]. Но “все вообще общественные отношения” с необходимостью включают в себя и отношения межобщественные, то есть отношения, связывающие между собой отдельные единичные общества, например, отношения между социальными группами, принадлежащими к различным единичным обществам. Форма общения представляет собой определенный тип отношений общения. Различным типам общения — общественных отношений и общественных связей — как типам социальности, формирующим социальную природу человека, присущ свой исторический масштаб, являющийся масштабом развёртывания способа производства и формационных процессов и отношений, который не ограничивается рамками отдельно взятого общества. Собственно поэтому нередко способ производства основатели марксизма характеризовали как “способ производства и обмена”. Как об этом писал Маркс в письме Анненкову от 28 декабря 1846 года: “Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй” [Маркс, 1962: с. 402]. Для эпохи господства отношений личной зависимости характерно включение индивида в более или менее локальную систему общественных связей, в рамках которой индивид существует и формируется. Будучи слитым с ограниченной общностью, он относится к природным и общественным условиям производства как к своим собственным, лишь являясь членом этой общности, опосредствующей его отношение с более широким миром и присвоение продукта природы в процессе труда. С переходом к отношениям вещной зависимости происходит разрыв опосредствующих локальных общинных связей. Возникает свободный изолированный индивид, условием существования которого является непосредственно мировое разделение труда и

обмен деятельностью в форме товарных стоимостей на мировом рынке. Вещные отношения представляют собой безличную связь, отношения отчужденных, изолированных индивидов, зависящих друг от друга уже не в локальных рамках узких общностей и отношений между ними, а во всемирном масштабе. При этом присущий каждой данной общественно-экономической формации масштаб общения, внутри которого воспроизводятся характерные для нее отношения и структуры, изначально не ограничивается отношениями внутри отдельно взятого общества, а включает в себя более или менее развитые межобщественные связи, наличие системы обществ, вовлеченных в единую систему социально-экономических связей. Иными словами, социально-экономические структуры и социально-экономические отношения, характеризующие данный способ производства и общественно-экономическую формацию, образуются и воспроизводятся в системе более или менее обширных устойчивых межобщественных взаимодействий, и масштаб этих межобщественных взаимодействий в ходе истории возрастает.

Тип и масштаб систем межобщественных взаимодействий определяется достигнутой степенью развития материального производства, общественных производительных сил, то есть способом производства, и они сами являются элементом системы производственных отношений способа производства. В основе этих взаимодействий лежит материальное общение — социально-экономические связи, объединяющие цепочками обменов производственные процессы мира. Впрочем, и сами эти межобщественные взаимодействия, принимая форму международного разделения труда, связывающего многообразные производственные процессы, обеспечивающие жизнедеятельность включенных в систему обществ, и выступая способом присвоения условий производства и интеграции производительных сил — посредством войны или обмена, сами выступают фактором развития производительных сил и новой производительной силой. Это происходит подобно тому, как производительной силой выступает кооперация труда в ремесленной мастерской или разделение труда в мануфактуре. Разделение труда опосредствует связь между производительными силами, имеющимися в рамках межобщественных систем взаимодействий, а его развитие является выражением развития производительных сил. В основном автономная система межобщественных взаимодействий, в рамках которых осуществляется интеграция производительных сил (например, земледельческих и скотоводческих регионов в древнем мире и средневековье), которая обеспечивает воспроизводство входящих в нее обществ в данном их качестве, является пространством развертывания и воспроизводства отношений и структур, характеризующих способ производства и общественно-экономическую формацию.

Объективной материальной основой развития систем межобщественных связей является развитие материального производства, общественных производительных сил, определяющих формы их интеграции. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс говорят о том, что развитие производительных сил является движущей силой превращения узко местного бытия людей во всемирно-историческое — «местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными». И только с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, а сами силы общения развиваются в ка-

честве универсальных сил, а вследствие господства отчуждения — сил также “невыносимых” [Маркс, Энгельс: 1988: с. 32]. Таким образом, ступень развития материального общения между народами определяется достигнутой ступенью развития производительных сил, позволяющей преодолеть предшествующие ограниченные формы разделения труда, развить способ производства и соответственно углубить и расширить межобщественные взаимодействия и взаимосвязи. Материальное производство и материальное общение выступают как определяющая сторона жизнедеятельности людей. Но здесь важно видеть также и другую сторону, понимать, что имеет место взаимодействие: само зарождение и развитие способов производства осуществляется лишь в системе взаимодействующих обществ и не может реализовать себя в развитии единичного, отдельно взятого общества, поскольку последнее не содержит в себе необходимой полноты условий собственного воспроизводства и саморазвития.

Уже первобытнообщинный способ производства предполагал наличие интенсивного общения между группами охотников и собирателей, являвшихся основной социальной формой, в которой в течение примерно сотни тысяч лет человеческая популяция распространялась по планете. Десять тысяч лет назад на земле существовали примерно 100 тыс. обществ, средний размер каждого из которых составлял около 100 человек [Denemark, Hall 2017: p. 4]. Цепочные взаимодействия этих групп могли образовывать сети материального и культурного обмена континентальных масштабов. Будучи обычно небольшими по численности, эти группы не могли обеспечить автономное биологическое воспроизводство, а учитывая, что сами люди являлись в эту эпоху главной производительной силой, — то и социально-экономическое воспроизводство. Поэтому они зависели от экзогамного взаимодействия с другими группами, с которыми они устанавливали регулярные контакты, кровнородственные связи, частью которых становился обмен материальными ценностями в форме дарообмена. Как показывают многочисленные исследования, материалы, из которых изготавливались орудия труда людей первобытной эпохи, могли поступать из местностей, расположенных за многие сотни километров от них. Например, исследования палеолитических памятников Ближнего Востока установили, что в эпоху верхнего палеолита и мезолита изделия из обсидиана встречаются в пунктах, удаленных на расстояние до 350–400 км от исходных месторождений, хотя количество его невелико. Положение существенно меняется в VII–VI тыс. до н. э., когда в пределах 250–350 км от месторождений обсидиан составляет основу каменной индустрии. Это была так называемая зона снабжения. Вне ее пределов до расстояния в 600 км следует “зона контакта”, где количество обсидиана постепенно уменьшается. Исследование обменных связей Австралийского материка показывает, что за охрой и камнем для изготовления орудий снаряжались военно-торговые экспедиции из больших групп вооруженных мужчин из местного населения, могущих с боем преодолевать сопротивление на пути. Дальность таких экспедиций иногда достигала 500 км [Массон, 1974: с. 4–5]. В результате разделения труда между общинами возникали системы общин, внутри которых формировалась межобщинная иерархия, из которой, в конечном счете, должны были возникнуть классы, эксплуатация, классовая борьба и государство.

Становление раннеклассовых обществ и соответствующего им азиатского способа производства непосредственно связано с подчинением военным путем одной общиной других. Война и военный тип отношений являются неотъемлемой составной частью производственных отношений данного способа производства. В результате военных взаимодействий образуются мировые империи древности. В рамках этих ранних форм государства господствующие общины организуются как государственный аппарат и эксплуататорский класс — собственник условий производства, в которые включались подвергаемые внеэкономическому принуждению общины, составляющие основную производительную силу раннеклассовых обществ. Иными словами, для возникновения и существования первого классово-антагонистического способа производства необходимо взаимодействие множества борющихся за присвоение условий производства социальных организмов.

Что касается рабовладельческого способа производства, то и здесь его развитие предполагает наличие системы межобщественных взаимодействий, в рамках которой рабовладельческое общество взаимодействует с варварской периферией, служащей для него источником его жизненных сил. Как отмечает выдающийся советский историк Б.Ф.Поршнев, процесс воспроизводства в рабовладельческом обществе “оказывается невозможным без регулярных и грандиозных по своим масштабам захватов “извне”, причем захватов не только продуктов труда других народов, но прежде всего части самих этих народов, становящихся внутри рабовладельческого государства основной производительной силой, основным производящим классом”. Все эти парадоксы античности заставили его усомниться в точности и определенности таких, казалось бы, простых понятий, как “внутри” и “извне”: “Где здесь подлинная граница внешнего и внутреннего? Не ошибаемся ли мы, поддаваясь политико-юридической иллюзии, будто она совпадает с границей государства?” По справедливому мнению Б.Ф.Поршнева, “навряд ли марксисту пристало смешивать понятие “общества” с представлением о военно-политической власти над той или иной территорией”. Ибо, с одной стороны, на территории империй жили многие народы, экономически так или иначе связанные между собой. С другой стороны, “на эту территорию непрерывно откачивались ... неслучайные множества людей, так же, как и созданные ими материальные ценности, с прилегающих и даже отдаленных территорий, населенных другими народами. При более широком взгляде представляется, что “варвары” и “греки”, “варвары” и “римляне” были двумя органически прикованными друг к другу половинами или полюсами сложного огромного единства. Это было антагонистическое единство” [Поршнев, 1964: с. 511–512]. Все великие рабовладельческие державы древности — не только Римская империя, но и цивилизации Ирана, Индии, Китая, а также эллинистические государства Азии — были окружены такими же “океанами бившихся об их берега варварских народов”. Отношения между этими половинами древних обществ выражали “внутренний антагонизм древнего мира как поляризованного целого. Чем глубже становилась эта поляризация, чем отчетливее она материализовалась в форме всяческих “китайских стен” и “римских валов”, деливших обе неразделимые половины, тем неизбежнее приближался час прорыва и растворения одной половины в другой” [Поршнев, 1964: с. 512].

Цивилизации и варварские общества представляли собой стороны внутреннего антагонизма древнего мира как поляризованного целого.

Именно внутри этого целого посредством так называемого феодального синтеза, взаимопроникновения сторон этого антагонистического целого, возник феодальный способ производства. Сама идея феодального синтеза “целиком покоится на представлении, что в древнем мире рабовладельческое государство и его варварская периферия представляли подлинное единство, подлинное целое... Понятно, что тут обычное представление о внешнем влиянии полностью исключается” [Поршнев, 1964: с. 517].

Наконец, возникновение капиталистического способа производства было невозможным без развития экономических связей Европы с Востоком. Важную роль в генезисе капитализма играли, например, тесные связи итальянского и немецкого торгово-ростовщического капитала с правящими элитами Монгольской империи, контролировавшей торговые пути и обеспечивавшей европейскому купеческо-банкирскому капиталу экономическое проникновение в Азию. Еще более значительная роль в становлении капиталистического способа производства принадлежит открытию Америки, эпохе Великих географических открытий и последовавшему за ними превращению большей части мира за пределами Европы в колониальную и зависимую периферию последней. В поле напряженности, создаваемом центро-периферийными отношениями, происходит развитие капитализма.

Таким образом, переход от одного способа производства к другому происходит не в процессе эндогенного развития каждого отдельного общества или народа, а в результате межобщественных взаимодействий, мирового общения и взаимосвязей. Они обеспечивают интеграцию условий производства и производительных сил и развитие последних на этой основе, порождающее, по мере увеличения численности населения планеты и его социально-экономической и социокультурной дифференциации, новые формы интеграции и новые многообразные связи.

Межобщественная интеграция производительных сил, включение их в межобщественную систему экономической кооперации, воплощением которой является конкретно-историческая система межобщественного разделения и комбинирования труда, выступает важнейшим фактором перехода производительных сил на более высокую ступень. Предельным случаем такой интеграции является объединение производительных сил человечества в планетарном масштабе, завершающее процесс формирования общественного производства. Исходя из этого, глобализацию можно определить как интеграцию производительных сил человечества во всемирном масштабе, что является материальной основой его всемирного единства, единства его всемирной истории и общественного развития. Впервые такое объединение осуществляется в рамках и посредством капиталистической формы общества со всеми вытекающими для человечества социально-экономическими, социотехнологическими и социально-экологическими последствиями. Характеризуя капиталистическую глобализацию с этой стороны, Роза Люксембург писала, что “как капиталистическое производство не может ограничиться природными сокровищами и производительными силами умеренного пояса, нуждаясь для своего развития в возможности распоряжаться всеми странами вне зависимости от климата, так же мало оно может обойтись рабочей силой одной лишь белой расы. Для использования тех земных поясов, где представители белой расы становятся неработоспособными, капитал нуждается в других расах; он вообще нуждается в неограниченной возможности распоря-

жаться всеми рабочими силами земного шара, чтобы при их помощи привести в движение все производительные силы земли, поскольку это возможно в рамках производства прибавочной стоимости” [Люксембург, 1934: с. 255]. Хорошим примером здесь может служить английская хлопчатобумажная промышленность, которая “как первая действительно капиталистическая отрасль производства не могла бы существовать не только без хлопка южных штатов Североамериканского союза, но и без тех миллионов африканских негров, которые были перевезены в Америку в качестве рабочей силы для плантаций” [Люксембург, 1934: с. 255]. Именно потому, что “капитал не может обойтись без средств производства и рабочих сил всего земного шара: для беспрепятственного развития процесса своего накопления”, он нуждается в природных богатствах и рабочей силе “всех поясов земли”. И отсюда вытекает “неудержимое стремление капитала к завоеванию соответствующих стран и обществ” [Люксембург, 1934: с. 257].

Всемирная история является, таким образом, не суммой историй отдельных обществ, стран и т.д., каждая из которых развивается независимо от других, а процессом и результатом развития общения, взаимосвязей, взаимодействий между социальными общностями. Раскрытие соответствия способов и масштабов человеческого общения, межобщественных взаимосвязей общественным формам производства позволило Марксу установить объективное основание и сущность “всемирной истории”. Материальное общение, в основе которого лежит объединение, интеграция посредством экономических связей производительных сил, развившихся в различных частях ойкумены, собственно и обеспечивает ее внутреннее единство, делает историю всемирной. Поскольку множество обществ включены в единую общую систему социально-экономических отношений, связей, взаимодействий, они образуют единый мир, а всемирная история является единой. И тот процесс, посредством которого с развитием производительных сил взаимосвязанные сети более плотных локальных обменов развились в универсальное, мировое общение, и был процессом превращения истории во всемирную.

С переходом от архаического к докапиталистическому классовому обществу и от последнего к капиталистическому обществу происходит изменение типа и масштаба общественных отношений, мирового общения. Этот переход можно представить как движение от фаз, для которых характерны локальные и узкотерриториальные формы общности и объединения людей и опосредствованные цепочные связи между удаленными друг от друга общностями, к фазе наиболее развитых общественных отношений, к формированию общества как целостности, совпадающее и тождественное с приобретением общественными отношениями непосредственно всемирного, всеобщего и универсального характера. Соответственно трем выявленным Марксом крупным общественным формациям в развитии исторических масштабов межобщественных связей и взаимодействий также можно выделить три ступени. Вначале на стадии архаичной формации непосредственные межобщественные социально-экономические связи носят более или менее локальный характер, а связи, превышающие этот масштаб, являются главным образом опосредствованными, цепочными, то есть осуществляющимися по цепочке соседствующих друг с другом обществ, этносоциальных общностей. С переходом ко вторичной формации масштаб систем непосредственных межобщественных социально-экономических взаимодействий расширяется до

пределов крупных исторических регионов, воплощаясь в региональных цивилизациях, межгосударственных или имперских системах (например, “мировые империи” древности, имперские образования средневековья и раннего нового времени). Преобладающей общественной формой интеграции производительных сил на данной ступени исторического развития выступают отчужденные “отношения личной зависимости”. Изначально образуемая по мере дифференциации распространяющихся по планете человеческих групп (социально-этнических общностей), осваивающих ресурсы планеты, сеть социально-экономических связей и отношений между первобытными общинами и раннеклассовыми обществами в эпоху средневековья постепенно интенсифицируется и уплотняется. С наступлением эпохи капитализма она превращается в охватывающую собой все пространство планеты единую мировую капиталистическую экономику, преобразующую и подчиняющую себе все обнаруживаемые ею производственные процессы и формы социальных отношений. С переходом к капитализму возникает то, что Маркс назвал универсальным всемирным общением, которое, однако, осуществляется в рамках отчужденных отношений вещной зависимости, то есть отношений на основе капиталистической частной собственности. И эта форма глобальности является предпосылкой перехода к следующей форме развития человеческого общества. Характерной особенностью систем межобщественного взаимодействия, свойственных эпохе вторичной формации, является то, что здесь межобщественные связи характеризуются неравномерностью развития охватываемых ими обществ и носят эксплуататорский характер, в результате чего одни общества развиваются за счет других, создающих условия для этого развития и, как правило, вовлеченных в систему взаимодействия насильственно. Таким образом, главный результат предыстории заключается в создании всесторонней общественной связи индивидов и универсальных общественных условий деятельности и общения. Эта всесторонняя общественная связь образуется взаимной и всесторонней зависимостью индивидов, расширяющейся до глобальных размеров.

В рамках коммунистической формы общества уничтожение частной собственности и разделения труда должно приводить к формированию ассоциации индивидов на основе современных производительных сил и всемирного общения, а окончательно сформировавшееся общественное производство становится непосредственно общественным. Коммунизм, по Марксу, возможен только как “действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения” [Маркс, Энгельс, 1988: с. 33]. Осуществляющий революцию пролетариат с самого начала представляет собой глобальный класс, класс, возникающий и существующий на основе развитой глобальной капиталистической системы. Само наличие масс пролетариата “уже предполагает, в силу конкуренции, существование мирового рынка” [Маркс, Энгельс, 1988: с. 33]. Пролетариат может существовать “только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как “всемирно-историческое” существование; а всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей” [Маркс, Энгельс, 1988: с. 33]. Глобальная интеграция и обобществление производительных сил, придание им, и на этой

основе отношения между людьми, всеобщего, универсального характера в рамках и посредством капитализма создает необходимые материальные предпосылки снятия отчуждения и формирования подлинно человеческих отношений. Это произойдет, когда “историческое назначение капитала будет выполнено”, то есть “когда прекратится такой труд, при котором человек делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека” [Маркс, 1968: с. 280].

Начав с факта универсализации общения при капитализме, Маркс, последовательно двигаясь вглубь времен, раскрывает фундаментальные изменения в ходе человеческой истории в процессе ее превращения во всемирную, их причины и движущие силы. Ключевую роль в окончательном превращении истории во всемирную сыграл переход к капитализму. Место и роль этого способа производства в развитии глобализационных процессов в рамках Марксовой концепции глобализации подробнее будут рассмотрены в следующей статье.

Источники

Аттали, Ж. (2008). *Карл Маркс. Мировой дух*. Москва: Молодая гвардия.

Багатурян, Г. А. (1968). Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории. В Э. А. Желубовская, Л. И. Гольман, В. М. Далин, Б. Ф. Поршнев (Ред.), *Маркс — историк* (с. 107–173). Москва: Наука.

Бек, У. (2007). Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. Москва: Прогресс-Традиция.

Джеймисон, Ф. (2005). Реально существующий марксизм. *Логос*, 3 (48), 208–246.

Люксембург, Р. (1934). *Накопление капитала*. Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 2 (с. 3–230). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1959). К критике политической экономии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 13 (с. 5–167). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1961a). Критика Готской программы. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 19 (с. 9–32). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1961b). Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 19 (с. 400–410). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1962a). Письмо П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 27 (с. 401–412). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1962b). Письмо Ф. Энгельсу от 8 октября 1858 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 29 (с. 294–296). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1968). Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант “Капитала”). В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 46, ч. 1. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант “Капитала”). В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 46, ч. 2. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 года. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 42 (с.с. 41–174). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1988). *Немецкая идеология*. Москва: Издательство политической литературы.

Массон, В. М. (1974). Развитие обмена и торговли в древних обществах. *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*, 138, 3–12.

Мессарош, И. (2000). Вызовы нашему времени. *Альтернативы*, 2 (27), 118–144.

Поршнева, Б. Ф. (1964). *Феодализм и народные массы*. Москва: Наука.

Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., Пerratон, Дж. (2004). *Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура*. Москва: Праксис.

Albrow M., King, E., (Eds.), (1990). *Globalization, Knowledge and Society: Readings from International Sociology*. London: Sage Publications.

Axford, B. (2013). *Theories of Globalization*. Cambridge: Polity Press.

Bourdieu, P. (1998). *Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time*. Cambridge: Polity Press.

Denemark, R., Hall, T. D. (2017). Bounding Human Interaction Networks: Considerations and Contributions. *Journal of Globalization Studies*, 8 (1), 3–13.

Martell, L. (2017). *The Sociology of Globalization*. Cambridge: Polity Press.

Ouyang, K. (2006). Globalization and the Contemporary Development of Marxist Philosophy: Precondition, Problem Domain and Research Outline. *Frontiers of Philosophy in China*, 1 (4), 643–657.

Материал получен 06.09.2018

References

Albrow M., King, E., (Eds.), (1990). *Globalization, Knowledge and Society: Readings from International Sociology*. London: Sage Publications.

Attali, J. (2008). *Karl Marx ou l'esprit du monde*. [In Russian]. Moscow: Molodaya Gvardiya. [= Аттали 2008]

Axford, B. (2013). *Theories of Globalization*. Cambridge: Polity Press.

Bagaturia, G. A. (1968). Marx's First Great Discovery. The Formation and Development of a Materialistic Conception of History. [In Russian]. In E. A. Zhelubovskaia, L. I. Gol'man, V. M. Dalin, B. F. Porshnev (Eds.), *Marx as a Historian* (pp. 107–173). Moscow: Nauka. [= Багатурия 1968]

Beck, U. (2007). *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: Neue weltpolitische Ökonomie*. [In Russian]. Moscow: Progress-Tradition. [= Бек 2007]

Bourdieu, P. (1998). *Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time*. Cambridge: Polity Press.

Denemark, R., Hall, T. D. (2017). Bounding Human Interaction Networks: Considerations and Contributions. *Journal of Globalization Studies*, 8 (1), 3–13.

Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., Perratton, J. (2004). *Global Transformations. Politics, Economy and Culture*. [In Russian]. Moscow: Praxis. [= Хелд 2004]

Jameson, F. (2005). Actually Existing Marxism. [In Russian]. *Logos*, 3 (48), 208–246. [= Джеймисон 2005]

Luxemburg, R. (1934). *Die Akkumulation des Kapitals*. [In Russian]. Moscow; Leningrad: The State Publishing House for Social and Economic Literature. [= Люксембург 1934]

Martell, L. (2017). *The Sociology of Globalization*. Cambridge: Polity Press.

Marx, K., Engels, F. (1955). Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer & Consorten. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 2 (pp. 3–230). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1955]

Marx, K. (1959). Zur Kritik der politischen Ökonomie. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 13 (pp. 5–167). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1959]

Marx, K. (1961a). Kritik des Gothaer Programms. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 19 (pp. 9–32). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1961a]

Marx, K. (1961b). Entwürfe einer Antwort auf den Brief von W. I. Sassulitsch. Erster Entwurf. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 19 (pp. 400–410). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1961b]

Marx, K. (1962a). Brief an P. W. Annenkov vom 28. Dezember 1846. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 27 (pp. 401–412). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1962a]

Marx, K. (1962b). Brief an F. Engels vom 8. Oktober 1858. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 29 (pp. 294–296). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1962b]

Marx, K. (1968). Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 46, Part 1. Moscow: Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1968]

Marx, K. (1969). Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 46, Part 2. Moscow: Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1969]

Marx, K. (1974). Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 42 (pp. 41–174). Moscow: Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1974]

Marx, K., Engels, F. (1988). Die deutsche Ideologie. [In Russian]. Moscow: Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1988]

Masson, V. M. (1974). Bartering and Trading in Ancient Societies. [In Russian]. *Proceedings of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR*, 138, 3–12. [= Массон 1974]

Mészáros, I. (2000). The Challenges to Our Times. [In Russian]. *Alternatives*, 2 (27), 118–144. [= Мецсарош 2000]

Ouyang, K. (2006). Globalization and the Contemporary Development of Marxist Philosophy: Precondition, Problem Domain and Research Outline. *Frontiers of Philosophy in China*, 1 (4), 643–657.

Porshnev, B. F. (1964). *Feudalism and the Common People*. [In Russian]. Moscow: Nauka. [= Поршневу 1964]

Received 06.09.2018